

ИНСТИТУТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Автором проведен анализ монографий и статей американских, английских, немецких, польских, украинских и финских историков, посвященных государственному устройству России в XVIII – начале XX века и институту генерал-губернаторов как его составной части. Отмечены новые методологические подходы и тенденции во взглядах западных исследователей, способствовавшие публикации ряда интересных и основательных работ, посвященных облику и деятельности генерал-губернаторов в отдельных регионах многонациональной Российской империи.

Ключевые слова: государственное управление, Российская империя, XVIII – начало XX века, институт генерал-губернаторов, историография, зарубежные историки.

Идейную и методологическую основу работ зарубежных ученых, посвященных государственному устройству Российской империи в XVIII – начале XX столетия, составили труды российских либеральных правоведов и историков, подвергших критике как способы организации государственного управления обширной многонациональной страной, так и его составные части, включая систему военно-административного управления [1, с. 301–338; 2, с. 23, 81–83, 108–109; 3, с. 320–358; 4, с. 219–267]. Не последнюю роль сыграли и причины другого рода, обусловленные военно-политическим противостоянием в «холодной войне» стран Запада с СССР. Советский Союз во второй половине XX века традиционно рассматривался в Западной Европе и Северной Америке как прямой наследник и преемник Российской империи.

В зарубежной, преимущественно англоязычной, историографии 60-80-х годов XX века деятельность представителей генерал-губернаторского корпуса Российской империи если и рассматривалась, то весьма бегло и в целом односторонне. В немногочисленных публикациях западные ученые оценивали региональных администраторов империи главным образом как военных деятелей, руками которых осуществлялась территориальная экспансия в отношении соседних стран и народов, как энергичных проводников колониальной политики в национальных окраинах России, активно использовавших грубые методы военно-административного давления на коренное население и местные национальные элиты. Персонального внимания исследователей удостоились в этот период только два представителя этой группы должностных лиц – наместник Кавказа свет-

лейший князь М.С. Воронцов и туркестанский генерал-губернатор М.Г. Черняев, оставившие заметный след в расширении границ России в южном и юго-восточном направлениях [5].

По мнению американского историка Фредерика Старра, высказанному в статье «Царское правительство: имперское измерение», Россия была «типичной колониальной страной» и на протяжении нескольких столетий активно проводила «колонизаторскую» политику. Автор выделил и перечислил характерные, на его взгляд, черты «колониального управления» на окраинах России. К ним Ф. Старр отнес: во-первых, ведущую роль центральной власти и назначенных ею генерал-губернаторов в управлении, заселении и развитии нерусских территорий; во-вторых, милитаризацию управления окраинами с обязательным присутствием воинских контингентов как надежного гаранта социального спокойствия; в-третьих, первостепенное значение в составе руководителей «колониальной администрации» влиятельных и неординарных личностей; в-четвертых, использование православной церкви как послушного инструмента колониальной политики; в-пятых, целенаправленную и в целом успешную кооптацию представителей местных элит в ряды русской «колониальной администрации»; в-шестых, систематический отказ признавать прежние традиционные права этих элит, выборочное предоставление им отдельных привилегий [6, р. 3–38].

Схожую схему событий представил Марк Раев (Колумбийский университет, США) в статье «Образцы российской имперской политики по отношению к нациям». Он выделил в ней три последовательных этапа: завоевание или

добровольное присоединение того или иного региона, затем инкорпорация новых территорий в состав империи и, как конечная цель, – ассимиляция коренных жителей. М. Раев отметил прямую зависимость такой политики от способа присоединения тех или иных территорий, а также от социального, экономического и культурного уровня народов, их населявших. Результатом было формирование и применение разных моделей имперской политики в отношении Сибири, Украины, Кавказа и Закавказья и более развитых в экономическом отношении западных территорий (Польши, Прибалтики, Финляндии). Присоединение последних было оформлено международными договорами, которые обязали российские власти обеспечить особый статус этих регионов, уважать их автономию и привилегии местных правящих элит. Это обстоятельство, подчеркнул М. Раев, создало в перспективе серьезную проблему во внутренней политике, поскольку объективно подрывало унитарную природу Российского монархического государства. По мнению ученого, имперская политика России по отношению к нерусским народам с точки зрения ее содержания представляла собой административно-правовую унификацию и социальную ассимиляцию, которые в XIX веке была дополнены еще и культурной русификацией [7, р. 22–42].

Идеи, высказанные М. Раевым, были использованы и развиты в объемном сборнике «Русификация в Балтийских областях и Финляндии: 1855–1914», вышедшем в 1981 году под редакцией Эдварда Тадена в Принстонском университете (США). В основу сборника было положено сопоставление взглядов и мнений российского правительства, прибалтийских немцев, латышей, литовцев, эстонцев и финнов на процесс интеграции западных регионов России. Автор и редактор сборника, обобщив собранный материал, выделил в политике русификации западных окраин империи три этапа: 1) 1796–1855 годы – подготовка к русификации, заключающаяся в завоевании центральной и местной властью симпатий коренного населения и местных элит; 2) 1855–1881 годы – административная русификация, выразившаяся в приведении местных законов в соответствие с российским законодательством; во введении однотипной с империей системы местного управления, правосудия и образования; 3) 1881–

1914 годы – культурная русификация, состоявшая в постепенном переходе на русский язык в делопроизводстве учреждений местного управления, суда и в обучении молодежи; меры по распространению православия в протестантской среде и защите его интересов. Э. Таден отметил озабоченность правительства возможной германизацией Прибалтики, исходившей от немецкой диаспоры, занимавшей господствующее положение в регионе. Политику постепенной культурной русификации он оценил как вполне толерантную, позволявшую эстонцам, латышам, литовцам, финнам и немцам сохранять свою национальную идентичность и развиваться в экономическом, социальном и культурном отношении. По мнению автора, проводимая таким способом русификация привела бы в перспективе к утрате остзейским (немецким) дворянством своих традиционных привилегий, что вызвало сильное противодействие с его стороны правительственным мерам и их одобрение со стороны латышей, литовцев и эстонцев. Однако она не была доведена до логического завершения и досталась в наследство советскому режиму [8, р. 11–12, 44–48, 123–130, 462–463]. В 1983 году Эдвард Таден опубликовал небольшую статью «Русификация в Царской России» в энциклопедическом издании, в которой подвел итог своим научным изысканиям по этой проблеме. В ней автор не согласился с бытовавшим с западной историографии мнением о том, что политика русификации имела системный и последовательный характер, типичный для метрополии по отношению к колониям. Он оценил эту политику как частичную, в определенной мере беспорядочную, что в целом соответствовало историческим реалиям. Но с другой стороны, автор продемонстрировал ошибочное понимание разнопорядковых процессов, наблюдавшихся в ходе инкорпорации национальных окраин России. Э. Таден выделил два типа русификации – административную и культурную. Под первой из них он подразумевал административно-правовую унификацию управления национальными окраинами, а под второй – распространение русской культуры, русского языка и православной веры среди других народов и народностей империи. Первая из них, по его мнению, началась со времени правления Екатерины II и продолжалась до Польского восстания 1830 года и даже до вос-

стания в Польше в 1863 году. А вторая (собственно культурная) – частично началась в царствование императора Николая I и более активно продолжалась при его преемниках. Политику культурной русификации в имперской России, проводимую повсеместно через институт генерал-губернаторской власти, он в общем итоге оценил как эпизодическую и бессистемную [9, р. 205–212].

Переход западной историографии к «новой истории империи» («new imperial studies» [10]) в 90-е годы XX столетия, отмеченный в аналитических обзорах О.В. Большаковой, был связан с победой в «холодной войне» и развалом Советского Союза, а затем и всего лагеря социалистических стран [11, с. 31–32; 12, с. 17–20]. Он привел ряд ее представителей к отказу от концепции колониального господства России над угнетенными народами, к смещению исследовательских интересов историков, политологов, социологов и философов на отдельные территории бывшей империи, ставшие самостоятельными и независимыми государствами. Российская имперская система управления стала рассматриваться в региональном аспекте, что привело зарубежных ученых к более внимательной и менее предубежденной оценке ряда ее особенностей. Они были обусловлены значительным числом народов и народностей, окружавших собственно русские земли, разнообразием их традиций, обычаев, верований и культур.

Заметную роль в становлении такого подхода сыграла обширная монография немецкого историка Андреаса Каппелера «Россия как многонациональная империя», которая вышла в Германии в 1992 году, а затем была переведена на французский, русский и английский языки [13; 14]. В ней был сформулирован совершенно иной методологический подход, заключавшийся в анализе истории России не как национальной истории русских, а как истории многих народов, участвовавших в формировании российской государственности на ее разных этапах и в разных формах. Особое внимание автор обратил на инструментарий включения территорий с этнически разнородным населением, разными типами экономики, социального устройства и культуры в состав Российского государства, на наличие межэтнического разделения труда, на встречу и взаимное обогащение различных культур и религий. В итоге А. Каппелером была

предложена совершенно новая модель Российской империи как наднациональной, полиэтничной, континентальной державы [15, с. 9–21].

С ним в принципе были согласны и другие специалисты, занимавшиеся проблемами российской истории, такие, например, как Сеймур Беккер, Альфред Рибер, Рональд Суни. Они практически единодушно отнесли Россию к ряду континентальных многонациональных империй Евразии, которые заметно отличались от империй Западной Европы с их заморскими колониями [16, с. 329–342; 17, р. 261–268; 18, р. 117–138; 19, с. 9–71]. Империи этого типа, считали историки, состояли первоначально из относительно однородного в этническом отношении центра и прилегавших к нему пограничных периферийных территорий («фронтиров», «контактных зон») [20, с. 163–194], населенных разными народами. Россия в ходе своего исторического развития успешно выигрывала «фронтирное соперничество» с такими монархическими государствами, как Австро-Венгрия, Речь Посполитая, Турция, Персия, Китай и Япония. Однако приобретенные Россией периферийные области, населенные народами Прибалтики, Польши, Финляндии, Украины, Кавказа, Средней Азии, Сибири, являлись наиболее нестабильными районами империи и могли представлять непосредственную угрозу ее целостности. Географическое положение континентальной державы, по мнению А. Рибера, ставило перед ней проблему обеспечения и защиты собственных границ с последующей интеграцией приграничных территорий. От этого в конечном итоге зависела жизнеспособность и судьба самой империи [17, р. 261–268].

Рассматривая процесс российского национально-имперского строительства, ряд западных ученых стал более внимательно относиться к учреждениям управления, созданным на окраинах страны, а также к практической деятельности окраинных генерал-губернаторов. С. Беккер, например, отметил многообразие причин, побуждавших центральную власть создавать наместничества и генерал-губернаторства на периферийных территориях. К ним он отнес: во-первых, уважение прежних политических институтов и законов в той или иной окраине (Финляндия, Прибалтика, Белоруссия, Польша, Малороссия, Бессарабия); во-вторых, обеспечение безопасности страны, внутренней

или внешней (Польша, Белоруссия, Украина, Оренбург, Кавказ, Туркестан); в-третьих, осуществление контроля в регионах с низкой плотностью населения (Сибирь, Дальний Восток, Новороссия, Оренбург, Казахстан); в-четвертых, необходимость делегирования генерал-губернаторам в отдаленных регионах властных полномочий, достаточных для эффективного управления (определяющий фактор в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке, дополнительный фактор – в Оренбурге). При этом, указывает С. Беккер, характерной чертой Российской империи было восприятие своих окраин как неотъемлемой части единого государства, а главной задачей института наместников и генерал-губернаторов было не только собственно управление, но и интеграция периферийных территорий в состав империи [16, с. 339–340].

Американским историком Джоном П. ЛеДонном в монографии «Российская империя и мир, 1700–1917: геополитика расширения и сдерживания», опубликованной в 1997 году, была предпринята попытка рассмотреть и дать оценку результатам территориальной экспансии России в XVIII – начале XX века. Автор считает, что эта экспансия была продиктована прежде всего географическими и природно-климатическими условиями страны, велась в трех направлениях – на запад, юг и восток. В работе была отмечена активная и значительная роль генерал-губернаторов в расширении границ империи в XVIII–XIX столетиях. В начале XX века, по мнению этого историка, дальнейшее продвижение России в указанных направлениях было остановлено усилиями таких держав, как Великобритания, Германия и Япония [21, р. 48–56, 112–116, 356–569].

В серии статей, опубликованных в Германии, Дж. П. ЛеДонн уже на конкретно-историческом материале более подробно рассмотрел персональный состав генерал-губернаторов и их взаимоотношения с верховной властью. Он разделил генерал-губернаторский корпус России второй половины XVIII – первой четверти XIX века по месту службы на три группы: западную (33 чел.), южную (25 чел.) и восточную (14 чел.) – и провел анализ генеалогических и биографических данных представителей каждой из этих групп. Изучив служебную карьеру и родственные связи 72 генерал-губернаторов, Дж. П. ЛеДонн выявил в их составе наличие не

только отчетливо выраженных сословных, но и семейно-клановых связей. Однако попытки автора связать узами родства большую часть генерал-губернаторского корпуса с правящей династией Романовых и их придворным окружением при внимательном рассмотрении не выдерживают элементарной критики. Совершенно необоснованным является и общий вывод Дж. П. ЛеДонна о том, что родственные отношения местных администраторов с представителями центральной власти создавали в системе управления России неформальные институты, напоминая взаимотношения внутри структур сицилийской мафии [16, р. 329–342; 22, н. 1. s. 56–88; н. 2. s. 161–183; 23, н. 3. s. 321–340]. Тем не менее анализ семейных и служебных связей российской правящей элиты, поставленный этим ученым так неоднозначно, но в целом разумно, необходимо учитывать при рассмотрении отношений внутри разных уровней властной пирамиды империи. В заслугу Дж. П. ЛеДонну следует отнести учет изменений в административно-территориальном делении страны, непосредственно отразившемся на характере и общем назначении института генерал-губернаторов на всем протяжении царствования Екатерины II, Павла I и Александра I. Несмотря на расхождения взглядов монархов на назначение и роль этого института в системе административного управления, он в общем итоге способствовал усилению имперской власти в периферийных областях России. По мнению Дж. П. ЛеДонна, окраинные генерал-губернаторы, являясь полноправными членами правящей элиты страны, выступали посредниками между центром и периферией и сделали немало для закрепления и освоения пограничных пространств и их успешной интеграции в состав Российской империи [22, н. 1. s. 67–68].

В одной из своих последующих статей, посвященных административной реформе Александра I, Джон П. ЛеДонн предпринял попытку изучить объемы полномочий как центральных, так и местных органов власти в управленческой структуре России первой четверти XIX века. Он высказал предположение о принципиальной несовместимости поста наместника или генерал-губернатора как «централизованного» управленческого института с «децентрализованным» министерским управлением, имевшим четкую функциональную направленность, и

попытался дать этому обстоятельству собственное объяснение. Автор отметил нелогичность и неуместность употребления самих терминов «централизация» и «децентрализация» применительно к системе управления самодержавной России, часто используемых российскими историками, поскольку авторитарный политический режим, по его мнению, не предполагал в принципе рассредоточение полномочий между различными уровнями и органами власти [24, р. 5–28]. Весь объем властных полномочий находился в руках абсолютного монарха, который по собственному разумению (или прихоти) распределял (делегировал) часть из них учреждениям и органам управления и выступал в качестве верховного арбитра в служебных трениях и спорах между ними. Выясняя причины не вполне логичных, на первый взгляд, действий Александра I, учредившего одновременно с министерствами еще и должность генерал-губернаторов, Джон П. ЛеДонн зафиксировал парадоксальную ситуацию, когда «административный регионализм» объективно выступал как «главный фактор административной унификации в империи», решить которую министерская система была не в состоянии в обширной по территории многонациональной стране [23, р. 5–6]. Подробно рассмотрев проекты ряда сановников этого монарха (министра финансов Д.А. Гурьева, министра полиции, а затем генерал-губернатора А.Д. Балашева, генерал-губернаторов А.Ф. Клокачева, А.Ф. Ланжерона) на назначение института генерал-губернаторов и их полномочия, историк отметил, что они не были реализованы в полном объеме как Александром I, так и его преемниками на престоле. В итоге самодержавной власти так и не удалось решить извечную проблему Российского государства, заключающуюся в оптимальном соотношении ведомственного и территориального принципов в системе управления. По мнению ученого, проблема разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти сохранила свою актуальность и в современной Российской Федерации. Она представляет «дилемму, которую Владимиру Путину придется разрешить» [23, р. 27–28].

В довольно обширной исследовательской литературе, опубликованной в Финляндии, перечень которой приведен в монографии Осмо Юсиллы, пристальное внимание финских ис-

ториков привлек период 1899–1917 годов в российско-финляндских отношениях, названный ими практически единодушно «годами угнетения» финнов [25, р. 256–264]. Сам О. Юсилла провел подробный и детальный анализ приемов и методов в правовой и административной сферах, с помощью которых правительство Николая II пыталось укрепить свои позиции в автономном Великом княжестве Финляндском. Переход от сравнительно сдержанных и осторожных шагов в отношении региона в царствование Александра III к ускоренной унификации и активной русификации этой национальной окраины при Николае II вызвал интерес к личности и деятельности генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, стоявшего у истоков политики «обуздания» и «усмирения» Финляндии и поплатившегося за ее реализацию собственной жизнью.

Директор Государственного архива Финляндии профессор Туомо Полвинен посвятил этому генерал-губернатору обстоятельную монографию, переведенную на английский, а затем и русский язык [26; 27]. Документальную основу работы составили неопубликованные архивные источники из российских, шведских и финских архивов, опубликованные материалы и исследовательская литература на финском, английском, немецком и русском языках. Книгу Т. Полвинена отличает нетипичный для западной историографии объективистский подход, взыскательность и непредвзятость оценок. В ней нашли отражение не только характеристика личности и взглядов генерала от инфантерии Н.И. Бобрикова, но и многие стороны его активной деятельности по ускоренной унификации управления автономным Великим княжеством и энергичной русификации местного населения. Любопытный вывод содержит заключительная часть работы. Переход российской монархии к политике «угнетения» финнов автор оценил как вполне закономерный и логичный. Т. Полвинен объяснил его возникновение активным участием России в империалистической конкуренции с великими державами в конце XIX–начале XX века, которое имело, по мнению историка, еще и «внутриполитическую – оборотную сторону». «Для достижения успеха в международной конкуренции, – пишет Т. Полвинен, – государству следовало быть «единым» и крепким. В отношениях между государствами

кризисоопасным мог стать сепаратизм окраинных территорий, поэтому его следовало подавлять. Стремление к этому России, как и других великих держав, служило одновременно установлению единообразия и большей эффективности управления...» [27, с. 247–248].

Другой финский историк – А. Куяла в статье, опубликованной на русском языке, подробно описал деятельность преемников Н.И. Бобрикова на посту генерал-губернатора В.А. Бекмана и особенно Ф.-А. А. Зейна в его стремлении придать политике «угнетения», т. е. унификации и русификации региона, новый импульс. Став генерал-губернатором, Ф.-А. А. Зейн разработал план «усмирения» финнов, связанный с расширением собственных полномочий за счет введения военного положения в Финляндии и на этой основе постепенной ликвидации автономного статуса Великого княжества. Генерал-губернатор откровенно запугивал центральную власть угрозой всплеска революционного насилия в Финляндии. Однако в силу ряда причин намерения Ф.-А. А. Зейна были отвергнуты, и военное положение в регионе было введено только с началом Первой мировой войны, когда Финляндия стала важным опорным пунктом Российской империи на побережье Балтийского моря [28, с. 65–76].

Польские историки (А. Хвальба, Я. Козловски, Л. Химяк, В. Родкевич и др.) проявили интерес к системе административного управления, сложившейся в Привисленском крае (бывшем Царстве Польском) после подавления восстания 1863–1864 годов и до начала Первой мировой войны. Ими была отмечена своеобразная тенденция в российской политике по отношению к этому региону, население которого с оружием в руках дважды пыталось вернуть себе независимость. Снижение правового статуса верховного регионального администратора (с императорского наместника до генерал-губернатора, командовавшего одновременно войсками Варшавского военного округа), произошедшее при Александре II, компенсировалась активным «обрусением» всего административного аппарата за счет энергичного вытеснения из его рядов представителей коренной национальности. Обобщения и выводы польских историков вполне соответствуют исторической действительности [29; 30; 31; 32].

В последние годы интерес к этой теме возник и у историков ближнего зарубежья. Так,

например, украинская исследовательница В.С. Шандра в ряде статей, монографий и докторской диссертации, посвященных генерал-губернаторствам и генерал-губернаторам на Украине в XIX–начале XX века, подробно и обстоятельно осветила исторические условия формирования и деятельность этого властного института в границах украинских областей – Левобережной, Слободской, Правобережной и Южной Украины. Учреждение института генерал-губернаторов и образование на территории Украины трех генерал-губернаторств было оценено автором как продолжение своеобразного компромисса между правящей династией Романовых и местной украинско-польской элитой. В.С. Шандра отметила разностороннюю практическую деятельность и высокий уровень управленческой культуры большинства малороссийских (украинских) генерал-губернаторов. На обширном архивном материале, впервые вводимом в научный оборот, она убедительно доказала, что канцелярия каждого генерал-губернатора имела надгубернский статус, т. е. статус высшего регионального учреждения на территориях нескольких губерний, входивших в состав генерал-губернаторства, рассмотрела их структуру и систему ведения делопроизводства. На основании сравнительного анализа основных функций малороссийских генерал-губернаторов В.С. Шандра пришла к выводу о том, что они сводились к надзору и контролю над деятельностью местных органов управления всех уровней, к энергичной русификации и ассимиляции местной элиты и в конечном итоге обеспечили процесс интеграции указанных областей в состав империи. Оценивая результаты усилий генерал-губернаторов в этом направлении, автор отметила, что они сумели в основном выполнить поставленную кардинальную задачу и успешно завершили встраивание большей части региона (Северной, Восточной и Южной Украины) в структуру российского гражданского управления. Сохранение Киевского генерал-губернаторства до начала Первой мировой войны в западной части региона автор связала с продолжением жесткой полонофобской политики в отношении польской диаспоры, продолжавшей занимать лидирующие позиции по отношению к другим этническим группам в системе административного управления и экономике. Следует отметить также, что

исследовательница подвергла сомнению необоснованные суждения некоторых современных российских историков и политиков, считавших, что империя больше вкладывала в развитие присоединенных земель, чем получала от них. По мнению В.С. Шандры, людские и материальные ресурсы Украины в исследуемый ею период, как раз напротив, широко использовались в общеимперских целях [33; 34; 35; 36; 37].

Переход на новые методологические позиции, обозначенный в западной исторической русистике как «новая история империи», пока что не завершился. Обширный массив публикаций по-прежнему сводится к поискам преимущественно негативных сторон в национально-региональной политике Российской империи, осуществлявшейся главным образом с помощью института генерал-губернаторской власти. Традиционные оценки этой политики как политики «дискриминации», «угнетения», насильственной «русификации» (в той или иной форме) нерусских народов не сходят со страниц научных публикаций и пока что далеки от объективности [38, p. 58–72; 39, с. 392–410; 40; 41, p. 399–411; 42, p. 481–486; 43; 44, p. 188–208; 45, s. 321–362; 46; 47 p. 96–114]. Зарубежные ученые при этом, как правило, обходят стороной

сопоставление этого направления во внутренней политике монархической России с политикой колониальных империй (Британской, Германской, Французской и др.) в их заморских владениях. Главным ее проводником был однотипный с российским институтом генерал-губернаторов и наместников институт вице-королей, генерал-губернаторов, губернаторов. Такое сопоставление будет не в пользу западных держав, поскольку преследовало совершенно иные цели, заключавшиеся не в интеграции колоний в состав метрополии, а в закабалении и в безудержной эксплуатации их населения. Тем не менее, налицо определенная эволюция во взглядах зарубежных исследователей, свидетельствующая о «деидеологизации» их восприятия процессов, имевших место в истории административного управления дореволюционной России. Она способствовала появлению принципиально новых методологических подходов и методических приемов, публикации ряда содержательных и основательных работ, посвященных облику и результатам деятельности генерал-губернаторов в отдельных регионах Российской империи, выполненных на основе заграничных архивов, не всегда доступных отечественному исследователю.

Список использованной литературы:

1. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собр. соч. А. Д. Градовского. – Т. I. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1880.
2. Берендс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации (Записка, составленная в декабре 1903 года) [Репринт. изд.]. – М.: Изд-во Гос. публ. ист. б-ка России, 2002.
3. Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб, 1905.
4. Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. – Т. 2. – СПб, 1910.
5. Mackenzie D. The Lion of Tashkent. The Career of General M. G. Cherniaev. – Athens (Ga), 1974; Rhineland A. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. – Montreal, 1990.
6. Starr F. S. Tsarist government: The imperial dimension // Soviet nationality policies and practices / Ed. by Azrael J.R. – New York, 1978.
7. Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems/ Ed. by Allworth E. – New York, 1971.
8. Edward C. Thaden, ed. Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981.
9. Edward C. Thaden. Russification in Tsarist Russia // Modern Encyclopedia of Soviet and Russian History. Vol. 32. – 1983.
10. Burbank J. and D. L. Ransel (eds). Imperial Russia: New Histories for the Empire. – Indiana U.P., Bloomington, 1998.
11. Большакова О. В. Российская империя: система управления. Современная зарубежная историография: аналитический обзор / РАН ИНИОН. – М., 2003.
12. Большакова О. В. Новая политическая история России: Современная зарубежная историография. Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 2006.
13. Andreas Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. Munich: C. H. Beck, 1992 (французский перевод: La Russie, empire multiethnique (XVIe-XXe siècles). – Paris, 1994; английский перевод: The Russian Empire. – A Multiethnic History Harlow, 2001; русский перевод:
14. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / Пер. с нем.: Червонная С. – М., 1997.
15. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: Некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. – Казань, 2000. – №1.
16. Becker S. Russia and the concept of empire // Ab imperio. – Казань, 2000. – №3/4.
17. Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history // Kritika. – Bloomington, 2001. – Vol. 2, №2.
18. Rieber A. Approaches to empire // От мира империи к глобализации. – Саратов, 2002. – С.
19. Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. – Казань, 2001. – №1-2.

20. Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика. – Самара, 2000.
21. LeDonne J. P. The Russian empire and the world, 1700–1917: The geopolitics of expansion and containment. – New York, 1997.
22. LeDonne J. P. Frontier governor general: 1772–1825. I. Western frontier // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 1999. – Bd. 47; Wiesbaden, 2000. – Bd. 48;
23. LeDonne J. P. Frontier governor general: 1772–1825. III. The Eastern frontier // Ibid. – Bd. 48.
24. LeDonne J. P. Administrative regionalization in the Russian empire: 1802–1826 // Cahiers du Monde russe. – 2002. – 43/1, Janvier-mars.
25. Jussila Osmo. Nationalismi ja vallankumous venäläis-suomalaisissa suhteissa: 1899–1914. – Helsinki, 1979.
26. Polvinen T. Imperial Borderland. Bobrikov and the Attempted Russification of Finland. – Duke U.P., 1995.
27. Полвинен Туомо. Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии: 1898–1904 г. / Перевод Геннадия Муравина. – СПб.: Европейский дом, 1997.
28. Куяла А. Россия и Финляндия в 1907–1914 гг. планы введения военного положения // Отечественная история. – 1998. – №2.
29. Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i Krolestwie Polskim w latach 1861–1917. – Krakow, 1995.
30. Kozłowski J. Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Krolestwie Polskim w latach 1867–1875 / Przegląd Historyczny, 1996, №4; Chimiak L. Rosyjscy gubernatorzy lubelscy w latach 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego / Miedzy Odrą i Dnieprem. Wyznania i narody. Zbior studiow. – Gdansk, 1997.
31. Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire during the Reign of Nicholas II: 1894–1905. – Harvard PhD, 1996.
32. Rodkiewicz Witold. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). – Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998.
33. Шандра В. С. Адміністративні установи Правобережної України кінця XVIII – початку XX ст. в російському законодавстві: джерелознавчий аналітичний огляд / Студії. – Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, 1998. – Вип. 2.
34. Шандра В. С. Київське генерал-губернаторство (1832–1914): Історія створення та діяльності, архівний комплекс і його інформативний потенціал. – Київ: УДНДІ архівної справи та документознавства. – 1999.
35. Шандра В. С. Малоросійське генерал-губернаторство, 1802–1856: функції, структура, архів. – Київ: [Держ. Ком. Архівів України], 2001.
36. Шандра В. С. Інститут генерал-губернаторства в Україні XIX – початок XX ст.: структура, функції, архіві канцелярій. 07.00.06 історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. – Київ, 2002.
37. Шандра В. С. Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX століття. – Київ: НАН України. 1н-т історії України, 2005.
38. Bassin M. Imperial visions: Nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East: 1840–1865. – Cambridge, 1999; Hagen M., von. The Russian empire // After empire: Multi-ethnic societies and nation-building. – Boulder, 1997.
39. Hagen M., von. Writing the history of Russia as empire: The perspective of federalism // Казань, Москва, Петербург. – М., 1997.
40. Hosking G. Russia. People and empire. – London, 1997;
41. Imperial Russia: New histories for the empire / Ed. by Burbank J., Ransel D. – Bloomington, 1998; Raeff M. The bureaucratic phenomena of imperial Russia: 1700–1905 // Amer. hist. rev. – Washington, 1979. – Vol. 84, №2.
42. Raeff M. Toward a new paradigm? // Historiography of imperial Russia: The profession and writing of history in a multinational state. – New York, 1999.
43. Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples: 1700–1917 / Ed. by Brower D. R., Lazzarini E. J. – Bloomington, 1997;
44. Velychenko St. Identities, loyalties and service in imperial Russia: Who administered the borderlands? // Russ. rev. – Stanford, 1995. – Vol. 54, №2.
45. Velychenko St. The size of the imperial Russian bureaucracy and army in comparative perspective // Jb. fur Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden, 2001. – Bd 49, H.3.
46. Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier: 1863–1914. – De Kalh, 1996.
47. Weeks T. Russification and the Lithuanians: 1863–1905 // Slavic rev. – Chicago, 2001. – Vol. 60, №1.

Zlobin Yu. P.

INSTITUTE OF GOVERNOR-GENERAL POWER IN THE RUSSIAN EMPIRE AT MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

The author conducted the analysis of monographs and articles of American, English, German, Polish, Ukrainian and Finnish historians, devoted to the state structure of Russia at XVIII – the beginning of XX century and to the institution of governor-generals as its constitutive part. Also the author marked new methodological approaches and tendencies of opinions of western researchers promoted to publication of some interesting and solid works promoted to the figure and activity of governor-generals at some separate regions of multinational Russian Empire.

Key words: public administration, Russian Empire, XVIII – the beginning of XX century, institution of governor-generals, historiography, foreign historians.

Сведения об авторе: Злобин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного университета, доцент. 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, 16407, тел.: (3532) 37-25-72